

Изъ дневника русской въ Турціи передъ войной 1877—1878 г.г.

Г л а в а XXII ¹⁾.

Наступила послѣдняя четверть 1875 года.

Отголоски броженія на Балканскомъ полуостровѣ проникали къ намъ только благодаря компанійскимъ пароходамъ, которые привозили изъ Одессы и портовъ Средиземнаго моря газеты и журналы.

Строгость цензуры при Абдуль-Азисѣ была чрезмѣрна: мѣстная печать хранила упорное молчаніе о кровавыхъ столкновеніяхъ мусульманъ съ христіанами и, восхищаясь мудростью султана, утверждала, что все обстоитъ благополучно въ странѣ полумѣсяца, и только интриги русской дипломатіи мѣшаютъ мирному теченію жизни.

Вскорѣ послѣ посѣщенія насъ дамами гарема, прошелъ слухъ, что опальный до сего времени Мидхатъ-паша теперь по настоянію Англіи возвращается изъ Багдада въ Константинополь, чтобы занять отвѣтственный постъ у кормила правленія.

Вслѣдъ затѣмъ и отъ самого Мидхата была получена дядей моимъ телеграмма, въ которой говорилось о горячемъ его желаніи повидаться съ лучшимъ и вѣрнѣйшимъ другомъ своимъ.

И дѣйствительно, личныя отношенія обоихъ были чрезвычайно сердечнаго характера, несмотря на нѣкоторую разницу убѣжденій и взглядовъ.

¹⁾ См. „Русская Старина“ апрѣль 1910 г.

Въ назначенный срокъ одинъ изъ пароходовъ „Messageries Maritimes“ привезъ на Хіоскій рейдъ знаменитаго англомана.

Прибыль онъ къ намъ послѣ визита къ губернатуру и объявилъ, что поживетъ у насъ нѣсколько дней до слѣдующаго французскаго рейса.

Долго о чемъ-то шептались и спорили мужчины въ приѣмной, куда мы, дамы, не входили, чтобы не мѣшать имъ. Но вотъ накрыли столъ для ужина—позвали и меня.

Впечатлѣніе гость нашъ произвелъ на меня совершенно обратное по сравненію съ Кіамиль-пашой.

Довольно плотнаго сложенія, съ круглымъ лицомъ, которое казалось еще шире отъ надвинутой на лобъ фески, онъ скорѣе напоминалъ веселаго нѣмецкаго бюргера, чѣмъ важнаго, степеннаго магометанина. Со мной раскланялся очень развязно, пристально разсматривая меня, что совсѣмъ не принято у турокъ при разговорѣ съ женщиной.

— Я только-что узналъ,—обратился онъ ко мнѣ на прекрасномъ французскомъ языкѣ,—что здѣсь вамъ дали прозвище „прекрасной розы Сибири“,—сравненіе не совсѣмъ удачное: едва-ли въ странѣ льдовъ и медвѣдей цвѣтутъ розы? Позвольте мнѣ называть васъ просто „русскимъ цвѣточкомъ“?

— Какъ угодно будетъ вашему превосходительству,—отвѣтила я, присѣдая.

— Превосходительству... протянулъ онъ, поднимая брови,—надѣюсь со временемъ заслужить отъ васъ другое наименованіе моей особы, напримѣръ „добраго свата“! Когда я сошелъ на прекрасный берегъ Хіоса, душистый вѣтерокъ шепнулъ мнѣ кое-что на ушко... Сердечно порадуюсь, если увижу роскошный цвѣтъ сѣвера въ садахъ Магомета...

Мои родные какъ-то странно переглянулись между собой, а я, догадываясь въ чемъ дѣло, поспѣшила уйти въ сторону отъ болтливаго сановника, чтобы скрыть предательскую краску, заливавшую лицо мое.

За ужиномъ онъ цилъ запрещенное Кораномъ виноградное вино и съ увлеченіемъ рассказывалъ о своихъ походахъ и пирушкахъ въ Лондонѣ и Парижѣ.

Потомъ снова занялся мною и спрашивалъ: видѣла ли я турокъ въ Россіи, что о нихъ тамъ говорятъ, и страшно ли мнѣ было ѣхать въ ихъ страну?

Я отвѣчала, что турокъ никогда прежде не видѣла; но читала о нихъ очень много, а также знакома съ ними по урокамъ исторіи въ институтѣ.

— Воображаю себѣ эти лекціи!.. съ ироніей проговорилъ Мидхатъ-паша,—ну, сознайтесь, русскій цвѣточекъ, я не обижусь—увѣряю васъ, что учителя ваши говорили вамъ о насъ, какъ о кровожадныхъ звѣряхъ, гонителяхъ христіанъ и т. п. ужасахъ?—

— Совершенно напротивъ,—съ живостью возразила я,—насъ учили, что вы очень храбрый, честный и, вообще, интересный народъ для изученія...

Собесѣдникъ мой закусилъ губы отъ смѣха и молча кивнулъ головой.

— Только одно не нравится мнѣ,—продолжала я въ поучительномъ тонѣ,—это горькая доля вашей женщины: она раба мужчины, а не равноправное существо. И у насъ было также до Петра I; но великій Государь освободилъ затворницу, и что же? Развѣ мы стали хуже отъ того?

— Хуже, хуже, молодая дѣвица,—почти сердито протянулъ паша и, строго взглянувъ на меня, спросилъ:

— Чѣмъ же плохо положеніе нашей женщины по вашему мнѣнію? Мужъ кормить ее, одѣваетъ—чего ей еще надо?

— Какъ чего?—съ изумленіемъ переспросила я,—образованія и равноправія, конечно! вотъ вы, напримѣръ, учились за границей, потому что каждому человѣку свойственна жажда новыхъ знаній,—такъ почему и ей не имѣть того же?—Развѣ душа у нея не такая, какъ и у васъ?

— Именно не такая,—хмуро перебилъ меня Мидхатъ.—Однако, вы большая фантазерка, милая барышня, позвольте сослаться въ этомъ случаѣ на самого Господа Бога: Онъ не установилъ одинаковой мѣрки для своихъ созданій, и если бы желалъ равноправія, то и сотворилъ бы одну разновидность. А между тѣмъ, наблюдая природу, мы замѣчаемъ совершенно иной порядокъ вещей—ужь такова воля Творца вселенной... Впрочемъ, оставимъ въ покоѣ эту неудобную для вашего самолюбія тему—все равно мы съ вами по ней не столкуемся, а лучше объясните мнѣ: откуда вы взяли, что науки дадутъ нашей затворницѣ, какъ зовутъ у васъ турчанку, счастье, а не наоборотъ. Все, что необходимо знать мусульманкѣ, она получаетъ и у себя въ гаремѣ и въ школахъ общины: ее учатъ рукодѣлію, хозяйству, чтенію изреченій Корана, иностранному языку, наконецъ, танцамъ для забавы мужа—чего не достаетъ ей, скажите?

Тутъ я, не долго думая, принялась критиковать программу школьнаго обученія турецкихъ дѣвушекъ и указала на неудобства того невѣжества, какъ, напримѣръ, понятіе о затменіи луны.

Мидхатъ-паша на это громко расхохотался и, махнувъ рукой,

какъ бы давая понять, что не стоитъ труда спорить со столь наивной особой, обратился къ дядѣ:

— Ваша племянница только-что упрекала насъ въ эгоизмъ,—такъ началъ онъ, видимо задѣтый моими возраженіями и, замѣтно волнуясь, продолжалъ:

— Европейецъ никакъ не можетъ разобраться въ такой чудовищной, по его мнѣнію, аномаліи: турокъ, получивъ на западѣ высшее образованіе, становится еще строже къ своей женщинѣ и упорнѣе, чѣмъ прежде противится ея просвѣщенію. Это фактъ—не правда-ли?

Мои родные подтвердили то же самое и указали на высоко образованнаго Кіамиль-пашу, какъ на самый убѣдительный примѣръ только-что сказаннаго.

— И вашего покорнѣйшаго слугу попрошу занести въ тотъ же списокъ,—разсмѣялся онъ,—мой дочери, надѣюсь, умрутъ въ невѣдѣніи, что имѣли счастье прожить на планетѣ, которая дважды вращается... Для ихъ же спокойствія, увѣряю васъ, такъ будетъ и лучше и удобнѣе,—договорилъ передовой сановникъ, насмѣшливо взглянувъ на меня. Послѣдующая рѣчь его крайне удивила меня: куда дѣвалось врожденное каждому турку чувство деликатности и сдержанности: казалось, что трактуемая тема была самымъ болынымъ мѣстомъ горячаго патріота и фанатичнаго мусульманина. Онъ беспощадно осуждалъ, не стѣсняясь нашимъ присутствіемъ, все европейское: нравы, обычаи, законы, парламенты, а въ особенности женщинъ, называя ихъ „безстыдными Иродіадами“.

Голосъ его звучалъ вызовомъ кому-то, когда онъ обратился къ намъ съ такими словами:

— По какому праву европейецъ съ присущимъ ему самомнѣніемъ считаетъ себя единственнымъ носителемъ культуры, забывая, что свѣтъ знаній и мудрости пришелъ къ нему отъ тѣхъ, кого онъ презрительно зоветъ „восточными варварами“. вспомните исторію Египта, Индіи и другихъ древнѣйшихъ народностей: въ то время, когда цивилизація у нихъ достигла уже своего зенита, вы безпомощными младенцами блуждали по равнинамъ и плоскогорьямъ Средней Азіи, или подобно звѣрямъ, прятались въ дремучихъ лѣсахъ. Наша культура неизмѣримо старше вашей, и не вы, а мы васъ просвѣтили,—горячо доказывалъ Мидхатъ-паша.

— Совершенно вѣрно,—спокойно возразилъ ему дядя,—колыбель челоуѣчества—востокъ, а слѣдовательно: и цивилизація ваша древнѣйшая нашей, но разница между ними та, что первая остановилась въ зенитѣ, а вторая идетъ дальше...

— Т. е. къ закату,—саркастически улыбаясь, перебилъ гость,—

съ этимъ вполне согласенъ!.. И довольный удачнымъ каламбуромъ продолжалъ развивать свою мысль.

— Не будемъ спорить о превосходствѣ по давности лѣтъ той или иной культуры, лучше разберемся въ достоинствахъ и заслугахъ ихъ предъ человѣчествомъ. Какъ вамъ извѣстно, высшее образованіе я получилъ въ Европѣ, гдѣ имѣлъ возможность наблюдать жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ. И что же видѣлъ я тамъ кругомъ себя: алчность, обманъ, грабежъ, насиліе—вотъ плоды вашей хваленной цивилизаціи! И тогда я возненавидѣлъ европейца всѣми своими чувствами и всѣмъ сердцемъ, простите за откровенность,—такъ говорилъ либеральнѣйшій изъ турокъ, какъ называла его народная молва. Мои родные въ свою очередь, хотя и очень осторожно, возражали ему въ такомъ смыслѣ, что вѣдь и у носителей восточной культуры не все же одни положительныя качества, найдутся, пожалуй, и отрицательныя...

— Прекрасно понимаю намекъ вашъ,—волнуясь и краснѣя, заговаривалъ паша,—насъ обвиняютъ въ звѣрствахъ и избіеніяхъ невинныхъ христіанъ! Но такъ ли это? будьте справедливы—вы давно живете здѣсь и не можете не знать, что рѣзню вызываютъ обыкновенно сами же угнетаемые своей безсовѣстной эксплуатаціей пріютившаго ихъ народа и оскорбленіемъ религіозныхъ чувствъ его.

Съ такими доводами нельзя было не согласиться.

— А женщины ваши, Аллахъ мой Великій!—снова принялся громить милыхъ дамъ нашихъ такой, повидимому, любезный и галантный кавалеръ.

— Я наблюдалъ ихъ достаточно въ салонахъ и будуарахъ, куда имѣлъ свободный доступъ и былъ тамъ желаннымъ гостемъ,—чему-то улыбаясь протянулъ онъ задумчиво.

— Понятія о чести, супружескихъ обязанностяхъ у нихъ почему-то совершенно наизуворотъ, и послѣ того еще удивляются, что мы, побывавъ на западѣ, не желаемъ имѣть у себя дома подобныхъ женъ и дочерей!—съ негодованіемъ воскликнулъ турецкій либераль.

— Скажите,—спросилъ онъ вдругъ самымъ наивнымъ тономъ:—неужели вашимъ дамамъ не стыдно являться почти голыми въ собраніяхъ, гдѣ такъ много мужчинъ?

Мы улыбались, пожимая плечами.

— Ваша племянница ратуетъ за эмансипацію турчанокъ и огорчается, что послѣдняя не изучаетъ астрономію!—насмѣшливо замѣтилъ Мидхатъ-паша и, обращаясь уже прямо ко мнѣ, продолжалъ:

— На это я даю вамъ такой отвѣтъ, добрая барышня: не обре-

меняйте себя заботами о просвѣщеніи нашей женщины и оставьте ее въ невѣдѣніи причинъ затменія луны. Да охранить Аллахъ магометанку отъ вліянія запада. Ваша цивилизація, освѣщая умъ, въ то же время разрушаетъ нравственность, чистоту нравовъ и религію, что совсѣмъ не желательно...

— Но почему же вы сами, ваше превосходительство,—перебила я обиженно его,—не довѣряя европейцу, ѣздили учиться къ нему?

Вопросъ мой нисколько не смутилъ убѣжденнаго противника женской эмансипаціи: онъ снисходительно улыбнулся и спокойно отвѣтилъ:

— Требованія жизни и государственная необходимость вынуждаютъ насъ, мужчинъ, къ тому: нельзя же управлять страной, не зная сосѣдей своихъ. Что же касается нашихъ гаремныхъ обитательницъ, то имъ хорошо и дома. Однако вы затронули слишкомъ обширную тему для обыкновенной дружеской бесѣды—пожалуй и не одолѣемъ ее, а потому давайте лучше потолкуемъ о чемъ-нибудь болѣе интересномъ!..

Роль обличителя видимо надоѣла ему, и онъ снова преобразился въ веселаго и остроумнаго собесѣдника. Прогостивъ у насъ еще два дня, въ продолженіе которыхъ я успѣла наговориться съ нимъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ, онъ уѣхалъ, оставивъ по себѣ очаровательное впечатлѣніе.

Г л а в а XXIII.

Въ положенное время было лунное затменіе, о чемъ я прочла столь неудачную лекцію дочери Кіамиль-паши. Едва земная тѣнь начала вползать на дискъ луны, какъ на валахъ крѣпости появились силуэты людей и началось вавилонское столпотвореніе: солдаты, цѣлясь въ небеса, палили изъ ружей, били въ барабаны и пускали вверхъ ракеты, а женское населеніе высыпало на крыши домовъ. Всѣ вооружены были горшками, тазами, кастрюлями и прочими кухонными принадлежностями, въ которыя онѣ ударяли изо всей силы. Крикъ, визги, вопли потрясали тишину воздуха и стономъ неслись по окрестности. Мы также поспѣшили къ стѣнамъ цитадели, откуда удобнѣе всего было наблюдать эту въ высшей степени забавную сценку.

Но вотъ прогнали, наконецъ, коварнаго дракона, завладѣвшаго любимымъ свѣтиломъ пророка, и турки, мирно бесѣдуя, стали расходиться и запирали крѣпостныя ворота.

Вскорѣ послѣ сказаннаго событія, мы отправились съ визитомъ къ дамамъ губернатора.

Я неохотно собиралась, предчувствуя повтореніе насмѣшекъ и издѣвательствъ; но на этотъ разъ ошиблась: меня встрѣтили очень привѣтливо и, къ удивленію моему, чрезвычайно почтительно съ выраженіемъ робкаго благоговѣнія на лицахъ.

— Что за притча?—недоумѣвала я.

Вскорѣ однако все объяснилось само собой.

-- Mademoiselle Eugénie, вы, вѣроятно, чѣмъ-нибудь особеннымъ угодили Аллаху—не иначе?—спросила Элиме, усаживая меня рядомъ съ собой.

— Не понимаю васъ!—былъ мой отвѣтъ.

— Дѣло вотъ въ чемъ: паша, мой отецъ, а онъ рѣшительно все знаетъ, что дѣлается на свѣтѣ,—съ непоколебимымъ убѣжденіемъ и сильно ударяя на словѣ „все“, заявила турчанка,—объяснилъ намъ, что вы просто шутили, когда рассказывали мнѣ о движеніи земли и о другихъ чудесахъ—ничего подобнаго, конечно, не существуетъ въ дѣйствительности; но вотъ что удивительно,—продолжала она, пытливо всматриваясь въ мои черты,—какимъ образомъ, да еще съ такою точностью, удалось вамъ предсказать день и часъ затменія, т. е. приближенія дракона къ лику небесной лампы?

— Возьмите календарь, Элиме, и вы сами убѣдитесь...

— Ахъ, нѣтъ!—съ испугомъ перебила она меня,—никогда не дотронусь я до книги дьявола и вамъ не совѣтую читать подобныхъ вещей! Лучше расскажите мнѣ, дорогой ягненочекъ,—неожиданно заговорила ласково и нѣжно эта странная дѣвушка,—какой у него видъ, и о чемъ онъ съ вами бесѣдовалъ?

— Кто онъ?—широко раскрывая глаза, спрашивала я.—Какъ кто?—удивилась и она въ свою очередь,—ну, конечно Гавріиль архангелъ! Развѣ не онъ, по волѣ Аллаха, явился вамъ, подобно Агари въ пустынь для того, чтобы черезъ васъ предупредить правовѣрныхъ о замыслахъ демона—сознайтесь же, что такъ оно и было?..

Вначалѣ мнѣ казалось, что Элиме просто дурачится и мститъ за уроки космографіи. Но нѣтъ! она продолжала въ очень серьезномъ тонѣ о томъ же, съ упоминаніемъ именъ Аллаха и пророка, что исключало всякую возможность шутки со стороны магометанки.

— Вѣроятно, вы еще не успѣли много нагрѣшить,—говорила она,—и вотъ за ваши добродѣтели вамъ и послано было видѣніе, а это особенное счастье, такъ какъ архангелъ Гавріиль являлся всегда только очень праведнымъ людямъ, на примѣръ: Измаилу въ пустынь,

Аврааму, когда онъ строилъ Каабу и, наконецъ, онъ носилъ самого пророка на седьмое небо.

— Такъ высоко?—еле удерживаясь отъ смѣха, спросила я,— что же онъ тамъ дѣлалъ?

— Какъ что? — досадливо возразила турчанка, — и этого не знаете? Разговаривалъ съ Аллахомъ и читалъ книгу жизни, а потомъ вернулся на землю и просвѣщалъ людей.

Съ турчанками, какъ мною уже было сказано, разговаривать очень мудро, такъ какъ понятія ихъ о жизни и природѣ самыя сумбурныя, а потому я не стала оспаривать ея доводовъ и разувѣрять въ своей святости.

Теперь я опишу домашнюю обстановку губернатора—можетъ быть, кому-нибудь это покажется интереснымъ.

Жилище каждаго турка обязательно раздѣляется на двѣ половины: мужскую, называемую „селямликъ“ и женскую — гаремъ. Семья не имѣетъ доступа въ первую, гдѣ хозяинъ дома живетъ одинъ со своими слугами и даже имѣетъ отдѣльную кухню. Зато во вторую онъ входитъ, когда ему это заблагоразсудится, и если обѣдаетъ здѣсь, то садится за столъ одинъ, а жены, дочери и даже сыновья прислуживаютъ ему.

Вся роскошь дома сосредоточена на женской половинѣ. Но не слѣдуетъ думать, что комнаты гарема убраны только въ восточномъ вкусѣ: въ этомъ отношеніи турки не брезгаютъ заимствовать для домашняго комфорта кое-что и у гяуровъ. Такъ пріемный залъ губернаторши былъ наполненъ мебелью европейскаго издѣлія: диванъ, кресла, крытыя бархатомъ; зеркала, люстра и лампы подъ абажурами; но чудные, смирскіе ковры, въ которыхъ нога тонула, какъ въ пуховикѣ, шелковыя съ причудливыми узорами подушки, разбросанныя вдоль стѣнъ, низенькіе, украшенные великолѣпной инкрустаціей столики для куренія, наргиле, уже заправленныя вокругъ мангала съ угольями—все это напоминало посѣтителю, что онъ въ гостяхъ у восточнаго жителя.

Такая же помѣсь востока съ западомъ обнаруживается въ одѣяннн, манерахъ и привычкахъ обитателей этихъ жилищъ.

Принято думать, что въ домашнемъ быту турчанки носятъ національный костюмъ, т. е. шальвары, драгоцѣнные пояса и пр.

Ничего подобнаго не видѣла я, хотя приходилось бывать какъ въ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ гаремахъ, только выходя на улицу, онѣ облачаются, какъ требуетъ того законъ, въ широкія турецкія одежды.

Пристрастіе къ парижскимъ фасонамъ давно обратилось у нихъ прямо въ манію какую-то, и онѣ съ упоеніемъ щеголяютъ другъ передъ другомъ въ нарядахъ своихъ.

Что же касается причесокъ, то дѣло обстоитъ здѣсь совсѣмъ наоборотъ: всѣ магометанки безъ исключенія придерживаются по этой части своей собственной моды: дѣвушки заплетаютъ волосы въ мельчайшія косочки, перевязывая ихъ ленточками, а замужнія чешутся въ двѣ косы и носятъ всегда, даже подъ шляпой внѣ дома, шелковыя или атласныя шапочки, украшая ихъ драгоценностями, смотря по состоянію. Баня—главная арена для состязанія въ туалетахъ гаремныхъ затворницъ. Сюда надѣваются самые дорогіе и лучшіе костюмы, а также вся ювелирная наличность. Кромѣ того, къ головному убору нерѣдко прикалываются даже ордена мужей. Такъ, на примѣръ, въ Константинополѣ я видѣла въ банѣ жену Османъ-паши, надъ челомъ которой красовались военные знаки отличія.

Г л а в а XXIV.

И такъ мы вошли въ пріемную гарема. Въ моментъ нашего прихода Кіамиль-паша былъ тамъ.

Послѣ обмѣна изысканныхъ селямовъ, насъ усадили на почетныя мѣста; но жена и дочь, ввиду присутствія хозяина дома, продолжали стоять, почтительно склонивъ головы. Замѣтивъ это, прогрессивный сановникъ немного смутился, какъ показалось мнѣ, и жестомъ пригласилъ ихъ садиться.

Поговоривъ немного, онъ сталъ прощаться съ нами, ссылаясь на неотложныя дѣла.

Турчанки немедленно встали и проводили его низкимъ поклономъ.

Вѣроятно забывъ что-то въ комнатѣ, паша тотчасъ же вернулся: дамы его опять приподнялись и вытянулись передъ нимъ.

Такое усердіе со стороны ихъ, повидимому, окончательно сконфузило его передъ нами: онъ досадливо махнулъ рукой и поспѣшно вышелъ.

Евнухи внесли подносы со сладостями и кофе. Появились также обѣ невольницы: Лазя и Базя.

Онѣ о чемъ-то пошептались съ Элиме, задорно оглядывая меня.

— Завтра мы ѣдемъ въ баню,—громко сказала дочь губернатора, обращаясь къ моей теткѣ,—Ханумъ и я убѣдительно просимъ васъ, madame Дариво, отпустить съ нами племянницу вашу. Будетъ очень весело,—продолжала она съ оживленіемъ,—жена коменданта, Зера, надѣнетъ новое платье, которое привезъ ей мужъ изъ Александріи, а Фатима обѣщала рассказать новую сказочку. Лулу споетъ намъ пѣсенку гуріи въ раю Магомета, и баядерокъ мы также позовемъ.

Соблазнъ былъ великъ, и я вопросительно взглянула на Marie. Послѣдняя охотно дала свое согласіе.

— Только совѣтую вамъ, Eugénie, нарядиться въ самое лучшее, парадное платье,—озабоченно говорила Элиме,—а то Зера воображаетъ, что лучше ея никто не понимаетъ въ этомъ толку,—видимо желая досадить соперницѣ по части туалетовъ, упрашивала она.

— Мнѣ надо потолковать съ вами, но только по секрету, объ одномъ очень важномъ обстоятельствѣ,—совершенно неожиданно шепнула мнѣ на ухо Элиме, улучивъ моментъ, когда на насъ никто не смотрѣлъ,—здѣсь неудобно, какъ видите,—показала она глазами на присутствующихъ.

Заинтересованная въ высшей степени, я не смогла преодолѣть любопытства и стала умолять ее сообщить мнѣ немедленно въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ! нѣтъ!—рѣшительно возразила она,—завтра въ банѣ вы узнаете все, а пока ни слова!—Пришлось съ огорченіемъ покориться.

На слѣдующій день евнухъ привелъ въ поводу бѣлую арабскую лошадь алеппской породы и подалъ записку, въ которой Элиме напоминала мнѣ обѣщаніе одѣться какъ можно эффектиѣй.

Я вышла на подѣздъ въ голубомъ легкомъ платьѣ, въ бѣлой шляпѣ съ цвѣтами и усѣлась амазонкой на коня, а нубіецъ взялъ его подъ уздцы и пошелъ впередъ. Такимъ образомъ, получился видъ наѣздницы на аренѣ цирка. Такъ казалось мнѣ, но не мѣстному жителю, для котораго подобное зрѣлище самая обыкновенная и привычная вещь, такъ какъ всѣ европейскія дамы, не говоря уже о гречанкахъ и турчанкахъ, ѣздятъ верхами не только въ визитныхъ или городскихъ туалетахъ; но даже и въ бальныхъ—напримѣръ, въ Константинополѣ, Смирнѣ и другихъ большихъ центрахъ.

Да иначе и быть не можетъ тамъ, гдѣ въ большинствѣ улицы до того узки, что ни одинъ экипажъ не проѣдетъ въ нихъ. Вотъ почему на востокѣ лошадь служитъ не для забавы и прогулокъ, а замѣняетъ нашего извозчика.

Въ пути мнѣ вздумалось освободиться отъ опеки проводника и самостоятельно управлять красавцемъ аравійскихъ степей. Замѣтивъ намѣреніе мое овладѣть поводами, нубіецъ погрозилъ пальцемъ и свистнулъ. Дрессированный скакунъ громко фыркнулъ и попятился назадъ, сильно качнувъ меня въ сѣдлѣ. Тогда проводникъ что-то крикнулъ, и умное животное моментально превратилось въ ягненка. Евнухъ сверкнулъ бѣлками и улыбнулся—видимо ему хотѣлось наказать меня за ослушаніе.

Когда я подъѣхала къ конаку паши, то губернаторша съ дочерью, закутанныя въ свои неуклюжія верхнія одежды, уже сидѣли верхами по-мужски также на арабскихъ коняхъ.

Пришло время тронуться въ путь: нубіецъ отошелъ въ сторону, и мы шагомъ направились за городъ. Выѣхавъ на широкую долину, всѣ три скакуна сразу взяли съ мѣста и понеслись впередъ необыкновенно легкимъ и плавнымъ галопомъ. Это было прямо высокое наслажденіе чувствовать себя на спинѣ такого великолѣпнаго созданія!

Проскакавъ, такимъ образомъ, нѣкоторое время, мы вернулись къ цитадели, внутри которой и были турецкія бани.

Е. А. Рагозина.

(Продолженіе слѣдуетъ).

